

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

A new study of the transformation of the local court at the early 20th century

DOI: 10.31857/S2949124X23010182, EDN: PQCYSH

На рубеже XIX–XX вв. положение суда, его независимость, полномочия и финансирование активно обсуждались в правительственных и общественных кругах, в периодической печати и законодательных учреждениях. При этом всем участникам дискуссии было ясно, что организация местного суда в уездах теснейшим образом связана с судьбой общины, аграрной реформы и с правовым положением крестьян. Освещая данный сюжет, до сих пор остающийся в отечественной историографии практически «белым пятном», А.А. Сорокин опирается на обширную и разнообразную источниковую базу. Помимо массы опубликованных материалов, это документы из шести фондов РГИА и двух фондов ГА РФ. Как показывает исследователь, в последней трети XIX в. споры шли прежде всего о превращении волостного самоуправления во всеобщее с мировым судом или о сохранении сословности при подчинении крестьянского правосудия особой административной инстанции. Иными словами, суд можно и нужно было менять вместе со всем крестьянским устройством (с. 40–41).

Закон 1889 г. о земских начальниках упразднил в уездах независимый суд и способствовал консервации крестьянской среды. «Характерно, —

отмечает автор, — что ни в одном органе печати нам не встретилось сожалений по поводу того, что после реформы 1889 г. волостной суд потерял свою независимость. При этом некоторые юристы полагали, что обычное право и крестьянская обособленность в судебном плане являются положительными характеристиками, поскольку волостные суды, в отличие от судов общей юрисдикции, больше ориентированы на принцип справедливости при принятии решений, а также менее формализованы и, как следствие, дешевле и быстрее. Но в целом общественность была солидарна в том, что волостной суд не имеет исторической перспективы» (с. 59).

Вместе с тем основная задача земских начальников как служащих МВД заключалась не в обеспечении справедливости, а в поддержании порядка. Однако в связи с их перегруженностью и она была неподъёмна. Между тем изменения на селе, где усиливалось малоземелье и наблюдалось размывание общины, происходили всё быстрее, обычное право себя изжило, и предотвратить массовые беспорядки и погромы в деревне контрреформа не смогла. Не удивительно, что уже в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленно-

* Сорокин А.А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 256 с.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

сти в 1902–1905 гг. это хорошо понимали (с. 109, 116, 130–131).

Усилия комиссии Н.В. Муравьева, готовившей в 1894–1899 гг. реорганизацию местного суда, не дали положительного результата. Сорокин объясняет это неприятием самого реформаторского замысла общественностью (с. 81–82). Но приведённый им материал свидетельствует, что власти не удалось даже подступить к судебной системе: её нужно было либо полностью менять, либо оставить в сложившемся виде. Частные изменения почти автоматически вызвали более масштабные меры. По сути, комиссия зашла в тупик и вынуждена была прекратить свою деятельность. Проекты преобразования крестьянского суда, составленные в 1894–1895 и 1902–1903 гг. в МВД, тоже не предусматривали изменения принципов 1889 г., ограничиваясь их незначительной коррективкой (с. 83–99).

Правительство П.А. Столыпина теснейшим образом увязывало демонтаж общинных порядков с отказом от норм обычного права при решении местных дел. Ликвидация обособленности крестьян также открывала путь для дальнейшего развития всесословного самоуправления уже на волостном уровне. Однако крестьяне, избранные депутатами Государственной думы II и III созывов, независимо от их фракционной принадлежности, ратовали за сохранение волостного суда, пусть даже формально всесословного, но с явным преобладанием крестьянского элемента, защищающего интересы деревни и выражающего её правосознание. Они настаивали на участии местных жителей в судопроизводстве и возможности применения обычного права, возражали против имуществен-

ного ценза для судей и их избрания земством. Эти стремления не находили поддержки ни у кадетов и октябристов, ни даже у правых, но разделялись трудовиками. Иные фракции, в конечном счёте, выступили за упразднение сословного волостного суда. Октябристы согласились с выборностью судей. Кадеты, как и крестьянские депутаты, одобряли отмену имущественного ценза для выборных судей, но их отбор желали предоставить земским учреждениям (с. 141–142, 156–158, 162, 164–165, 178, 192–194).

Тем не менее Государственный совет высказался за сохранение сословного характера местного суда и назначение председателей съездов мировых судей (апелляционной инстанции) правительством, что позволило бы администрации хоть как-то контролировать их деятельность. Приняв сделанные в Совете поправки, дабы избежать провала реформы, Дума продемонстрировала приоритет прагматичных соображений над политической риторикой (с. 212–213, 223). Впрочем, нельзя не согласиться с тем, что «вопрос об эффективности тех или иных институтов местного суда в дискуссиях являлся второстепенным, дебаты имели явную или скрытую политическую или идеологическую подоплёку. На первые роли в этих дебатах выходили вопросы о сословной обособленности крестьянства и о независимости местного суда от государственной власти» (с. 228). Теперь, после столь подробного изучения подготовки закона 1912 г., особенно остро ощущается необходимость не менее обстоятельно рассмотреть обстоятельства введения его в действие и функционирование местного суда в последние годы существования империи.